

⁵⁸ Проект по переводу крестьян Мурино в обязанные Воронцов составил еще до утверждения закона 2 апреля 1842 г., после частных встреч с его инициатором, П.Д. Киселевым.

⁵⁹ Увольнение Муринской вотчины графа Воронцова в звание обязанных крестьян // Журнал Министерства внутренних дел. 1843. № 8. С. 288. Договор приведен в пересказе.

⁶⁰ Предполагаемый проект условий увольнения крестьян в обязанные по имени новгородской помещицы Екатерины Александровны Зуровой с сопроводительным письмом к И.В. Васильчикову от Зурова. 1842 г. РГИА, ф. 651, оп. 1, д. 263, л. 8 об.).

⁶¹ При этом помещице принадлежало исключительное право «устраивать на них мельницы, фабрики и заводы, равно учреждать ярмарки и торги по усмотрению и в пользу владельца». (Там же, л. 4–4 об.; Увольнение Муринской вотчины графа Воронцова... С. 282).

⁶² «Лес, нужный для домашних крестьянских заведений, равно постройки барок и рубки дров на продажу крестьяне должны были покупать у помещицы или у других владельцев. Пользоваться же угодьями для вытаса скота крестьяне могли во всех тех местах, где не будет отдано в наемное содержание, хотя бы и не на отделенной крестьянам земле» (РГИА, ф. 651, оп. 1, д. 263, л. 5–6).

⁶³ Увольнение Муринской вотчины графа Воронцова... С. 284. Здесь практически дословно повторены слова указа 2 апреля 1842 г.

⁶⁴ РГИА, ф. 651, оп. 1, д. 263, л. 10 об.–11.

⁶⁵ Так, на вышеупомянутом заседании Государственного совета в декабре 1845 г. вел. кн. Александр Николаевич был возмущен тем, что «департамент законов назвал обязанных крестьян вольными и на этом основании предложил применить к ним законы, воспрещающие людей, воспользовавшихся единожды свободой, возвращать в крепостное состояние». Он подчеркнул, что обязанные крестьяне нигде не были названы юльными, и в самом указе тщательно избегали слова свободы. Наследник также добавил, что император отнюдь не признает это состояние свободным, считая его только переходным (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 8, л. 295 об.–296).

⁶⁶ РГИА, ф. 651 (Васильчиковых), оп. 1, д. 263, л. 9 об.

⁶⁷ Император Николай I был противником названия «свободные хлебопашцы», по его настоянию указом 5 июля 1848 г. «свободные хлебопашцы» и «безбродные крестьяне» (выкупившиеся по закону 8 ноября 1847 г.) были переименованы в «государственных крестьян, водворенных на собственных землях».

⁶⁸ РГИА, ф. 651, оп. 1, д. 263, л. 6–6 об.

⁶⁹ Там же, л. 16–16 об.

⁷⁰ В Комитете, состоящем из Орлова, В.В. Левашева, В.Н. Панина, Л.А. Перовского, Киселева и И.А. Корфа.

⁷¹ Хотя строения, фруктовые деревья и другие заведения он мог передать кому-либо из общества или везти в свою пользу, Семевский рассматривал эти участки, как собственность крестьян, поскольку они не платили за них поземельный оброк (*Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 103).

⁷² Учитывая «собственные» наделы крестьян (примерно полдесятины на ревизскую душу) и землю, предоставленную им в «общественную собственность», Воронцов дал своим крестьянам по 3 десятины 1.170³⁰/₄₁ (!) квадратных сажений, другие Потоцкие – менее 3 десятины на душу.

⁷³ Эта цифра отражает число душ мужского пола.

⁷⁴ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 347.

⁷⁵ *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 77.

⁷⁶ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 255.

⁷⁷ *Кизветтер А.А.* Указ. соч. С. 219.

⁷⁸ *Дружинин Н.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 628.

⁷⁹ *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России. XVIII–начало XXI века. М., 2005. С. 92.

© 2008 г. Е. А. КРЕСТЬЯННИКОВ*

СУД ПРИСЯЖНЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Суд присяжных, «суд общественной совести» являлся одним из достижений судебной реформы Александра II. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. произвели настоящую революцию в судебных порядках и знаменовали собой, по выражению дореволюционного правоведа И.Я. Фойницкого, «поворот от порядка полицейского к порядку правополному, от правительственной опеки – к системе самостоятельности и самодеятельности народной»¹ Действительно, привлечение общественности к участию в судебных про-

* **Крестьянников Евгений Адольфович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета.

цессах составляло значительный шаг на пути к правовому государству и становлению гражданского общества в России. Однако распространение Судебных уставов на различные регионы империи заняло, как известно, длительный срок. В Сибири первые судебные слушания с участием присяжных заседателей состоялись лишь в 1909 г.

Общественные деятели Сибири склонны были объяснять это политическими причинами. «Демократический состав сибирского общества, – писал областник Г.Н. Потанин, – заключал в себе некоторую угрозу дворянской политике, которая господствовала в метрополии, и потому правящие классы косо смотрели на Сибирь... Страх, как бы на демократической почве Сибири не пробудился демократический дух, заставлял власть урезывать сибирскую жизнь и затруднять свободное ее развитие»². С другой стороны, низкая плотность населения, большие расстояния, наличие немалого числа ссыльных и инородцев, дефицит лиц, удовлетворявших требованиям, предъявляемым к присяжным заседателям и т.д. на протяжении длительного времени ставили под сомнение возможность введения в Сибири «суда общественной совести». В результате, как афористически говорил сибирский депутат III Государственной думы А.А. Скороходов, «суду присяжных, чтобы доехать от Петербурга до Томска, понадобилось сорок лет: вот сколько времени пришлось употребить ему, чтобы пройти через заставы и объехать тех змеев горынычей, которые и рыком рыкали, и пламенем жгли по дороге русских гражданских прав»³.

Между тем еще в начале 1860-х гг. судебные и административные чиновники Сибири, а также представители сибирской общественности приняли активное участие в обсуждении «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 г. В своих отзывах они высказывались в пользу распространения на Сибирь большинства положений этого проекта и введения здесь «суда общественной совести», причем в ближайшем будущем. Во времена реформаторской эйфории корректировки в устройстве суда присяжных, необходимые для приспособления его к сибирским условиям, казались незначительными. Некоторые судебные деятели не видели связи между материальной обеспеченностью и справедливым судом и предлагали отменить имущественный ценз для присяжных заседателей⁴. Чиновники Главного управления Восточной Сибири признавали возможным допустить к исполнению обязанностей присяжных «тех из сосланных, кои, приобретя вновь права состояния, при хорошем поведении в местах их жительства или водворения, приобрели, вместе с тем, полное доверие общества»⁵.

Сибирская общественно-политическая элита единодушно выступала за проведение судебной реформы, которая в сибирских условиях представлялась более необходимой, чем где бы то ни было⁶. В 1867–1870 гг. при Министерстве юстиции под председательством одного из «отцов» Судебных уставов 20 ноября 1864 г. В.П. Буткова действовала специальная комиссия для разработки проекта судебного преобразования в Сибири. Уже в ней проявились разногласия противников и сторонников введения института присяжных заседателей за Уралом. Первые указывали, что при «разноплеменности сибирского населения суд присяжных не может быть судом общественной совести», а исполнение обязанностей присяжных в условиях значительной протяженности края станет «чрезмерно тяжелой повинностью» для сибиряков. Однако большинство членов комиссии не придавало расстояниям такого значения. Комиссия, многие члены которой были так или иначе связаны с Сибирью, признала сибирские губернии и области между 50° и 60° северной широты (т.е. в полосе с высокой плотностью населения) вполне подготовленными к введению суда присяжных. При этом предполагалось допустить существенные отступления от общих судебных правил. Намечалось включить в число присяжных офицеров, чиновников и «нижних чинов воинских команд и управлений», отказаться от имущественных ограничений, уменьшить численный состав коллегии присяжных до 6 человек⁷. Однако проекты комиссии так и не были реализованы.

1870-е – первая половина 1890-х гг. – сложный период в развитии российского суда присяжных. Его деятельность стала предметом критики влиятельных сановников. Яростным противником института присяжных заседателей стал К.П. Победоносцев.

В 1885 г. в записке императору Александру III он отмечал: «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России. Трудно достигнуть этого разом, но можно достигнуть постепенно, изъемя один за другим разряды уголовных дел из ведения присяжных»⁸.

Тем не менее, несмотря на все атаки, к концу XIX в. суд присяжных, по выражению известного юриста и публициста Г.А. Джаншиева, по-прежнему оставался «центральной узлом» судебной системы, ее «главным нервом и душой»⁹. В 1893 г. будущий министр юстиции И.Г. Щегловитов писал: «Постепенно повышаясь с 1883 г., репрессия суда присяжных в России почти сравнялась с репрессией судебных палат по особым присутствиям с участием сословных представителей и немногим уступает в строгости коронному суду»¹⁰.

Неукоснительно следуя принципу «постепенности и осторожности», Министерство юстиции вернулось к проблеме сибирского суда лишь в первой половине 1880-х гг., когда в правительственных кругах господствовали консервативные настроения. На этот раз вопрос о введении в Сибири суда присяжных не ставился, а проведенная в крае в 1885 г. реформа судеустройства и судопроизводства оказалась нерезультативной, сохранив еще на десятилетие систему правосудия в состоянии кризиса¹¹. Лишь 2 июля 1897 г. состоялось открытие Сибирского судебного округа. Этот день стал праздником для местных жителей: организовывались праздничные обеды и народные гуляния, улицы городов украшались флагами¹². В прессе его называли «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири»¹³. Население края, по словам тобольского губернатора Л.М. Князева, «восторженно приветствовало» судебную реформу¹⁴.

Однако Судебные уставы при их применении к сибирской окраине существенно изменялись, в частности, здесь не предусматривалось создание института присяжных заседателей. В возможность его устранения при проведении судебной реформы представители провинциальной общественности поначалу не поверили. Когда до Сибири дошли первые слухи о намерении правительственных чиновников отказаться от идеи ввести в крае суд присяжных, сотрудники газеты «Восточное обозрение» выразили надежду, что в данное сообщение «вкралась неточность»¹⁵. Тем временем, корреспонденты центральных и сибирских периодических изданий настаивали на необходимости этого института в Сибири и указывали на отсутствие препятствий для его деятельности¹⁶.

Другого мнения придерживались чиновники, причастные к разработке судебного преобразования в сибирском регионе. Енисейский губернский прокурор А.Н. Лубенцов в своем проекте писал, что «малая населенность края», многочисленность «неблагонадежного ссыльного элемента», а также «инородцев, не знающих русского языка и стоящих на низкой ступени умственного развития, делают невозможным введение в Сибири института присяжных заседателей»¹⁷. В «Объяснительной записке к проекту Временных правил об устройстве судебной части в Сибири» говорилось о специфике «воззрений» сибиряков «относительно значения и важности некоторых преступлений», как о преграде учреждению суда присяжных¹⁸. На «затруднительность» исполнения обязанностей присяжных для населения при больших расстояниях указывал министр юстиции Н.В. Муравьев¹⁹. По мнению чиновников Министерства земледелия и государственных имуществ, отсутствие «более или менее развитого класса благонадежных людей» в Сибири не позволяло учредить там «суд общественной совести»²⁰.

Подобную аргументацию трудно было признать основательной. Законодательство содержало достаточный арсенал средств, чтобы не допустить включения в состав присяжных лиц с ненормальными «воззрениями», «неблагонадежных», не знающих русского языка. Никаких подсчетов числа сибирских жителей, соответствующих требованиям, предъявляемым законом к заседателям, накануне реформы не производилось.

Когда в 1900 г. такое исчисление все-таки провели (на западе Сибири), выяснилось, что количество возможных присяжных было достаточным, а во многих уездах значительно превышало требуемую норму²¹. Явно преувеличивалась и обременительность обязанностей заседателей для сибиряков (трудность преодоления больших расстояний и проч.). Заседания окружных судов в сибирском крае разрешалось проводить в уездных административных центрах в ходе выездных сессий. Многие уезды Сибири по площади не превосходили губерний Европейской России, и вряд ли исполнение обязанностей присяжных было бы труднее для сибирских жителей, чем для населения других российских регионов.

Между тем справедливость вердиктов присяжных заседателей часто определялась знанием местных условий, где произошло преступление и в которых проживал подсудимый. Указывая на это обстоятельство, тогдашние критики судебной реформы говорили, что суд присяжных нужнее всего как раз в Сибири, поскольку большинство из коронных судей, по крайней мере в первое время, приезжали сюда из Европейской России и плохо ориентировались в местных реалиях²². Порядок обжалования приговоров окружных судов без участия присяжных предполагал возможность подачи по каждому делу апелляционной жалобы в судебную палату, тогда как вердикт суда с участием присяжных выносился окончательно и подлежал обжалованию только в кассационном порядке. Поэтому следствием отсутствия суда присяжных при больших сибирских расстояниях могла стать волокита.

Сравнивая сибирские условия со схожими условиями некоторых регионов империи, где действовал суд присяжных (Вологодская, Вятская, Пермская губернии), современники приходили к выводу о его соответствии потребностям и возможностям края²³. «Очевидно, – заключала газета "Восточное обозрение", – что суд присяжных не введен в Сибири не потому, что нашу окраину считают еще неподготовленной к нему, а по другим соображениям»²⁴. О «неподготовленности» россиян к суду присяжных его противники говорили еще при разработке Судебных уставов в начале 1860-х гг., и уже тогда этот довод был признан «неубедительным»²⁵. Во время же проведения судебной реформы в Сибири представители общественности края находили уровень развития местных жителей даже более высоким, чем населения Европейской России, и считали их вполне способными к отправлению правосудия²⁶.

Довод о неготовности края к учреждению «суда общественной совести» считал «глубоким предрассудком» и томский присяжный поверенный, депутат III Государственной думы Р.Л. Вейсман²⁷. «Так называемая "неподготовленность населения" – это жупел, жалкий и смешной, прикрывающий собой принцип *divide et impera!* – писал он. – Среди завистей и ненавистей нужна еще одна зависть младшей сестры – колонии к метрополии. Пусть Сибирь помечтает пока о суде присяжных и у нее не будет времени мечтать о чем-нибудь другом, о том, что составляет вечный кошмар метрополии по отношению к колониям»²⁸.

Корреспондент «Сибири» видел причину нежелания ввести суд присяжных в сибирских губерниях в отрицательном отношении к нему правительства²⁹. Действительно, судебная реформа проводилась в Сибири во время деятельности при Министерстве юстиции так называемой «муравьевской» комиссии (1894–1899 гг.), призванной пересмотреть судебное законодательство России, и в том числе определить целесообразность сохранения института присяжных заседателей и пределы их компетенции. Председатель комиссии министр юстиции Н.В. Муравьев предлагал изъять из их ведения все дела, «носящие так или иначе политический характер» (о преступлениях по должности, «об особо сложных и специальных преступлениях, для уразумения которых нужно тщательно разобраться во множестве запутанных и технических данных или в особых гражданских отношениях»)³⁰. При таких обстоятельствах вопрос о введении суда присяжных в Сибири вряд ли мог быть решен положительно.

Следует учитывать и то, что в основу сибирской судебной реформы легли проекты тобольского, енисейского и иркутского губернских прокуроров С.Г. Коваленского, А.Н. Лубенцова и Н.И. Харизоменова³¹. Во главе комиссии по преобразованию суда в

Сибири стоял товарищ министра юстиции П.М. Бутовский, сделавший карьеру на прокурорском поприще, прокурором являлся ранее и министр юстиции Н.В. Муравьев, по мнению которого прокуратура представляла собой «полуадминистративное» учреждение и «как бы враждебный суду орган»³². Естественно, отношение членов прокурорского надзора к суду присяжных (нередко оправдывавшему обвиняемых) было особенно настороженным и критическим.

Впрочем, отсутствие в Сибири института присяжных заседателей изначально признавалось временным явлением. Вероятность его введения «в недалеком будущем» в западной части края обсуждалась еще 6 апреля 1896 г. при рассмотрении проекта сибирской судебной реформы в Государственном совете³³. В 1899 г. «муравьевская» комиссия окончательно высказалась за сохранение «суда общественной совести» в России. Председателю Омской судебной палаты было предписано незамедлительно собрать сведения относительно возможности его создания в Тобольской и Томской губерниях³⁴. Председатель палаты возложил исполнение данного поручения на особые межведомственные комиссии, учрежденные по этому случаю при губернаторах. По результатам проведенного в 1900 г. исследования выяснилось, что количество лиц, имеющих право «присяжничать», было достаточным в 8 из 10 уездов Тобольской губ. (присяжных не хватало в северных уездах – Березовском и Сургутском), и намного превышало требуемую норму во всех 7 уездах Томской губ. Члены тобольской комиссии утверждали, что «сама практика нового суда, введенного в 1897 г., дала уже много доказательств в пользу необходимости привлечения общественного элемента к делу отправления правосудия»³⁵. О «полной и безусловной» готовности края к установлению новых судебных порядков заявили чиновники из комиссии Томской губ.³⁶ Собранные материалы внимательно изучались в Министерстве юстиции. Как полагал Муравьев, суд присяжных в Тобольской и Томской губерниях следовало образовать на общих основаниях (причем, в целях унификации судебных порядков в империи он настаивал на создании этого института и в Сургутском, и в Березовском уездах)³⁷. В конце 1901 г. министр юстиции направил в Государственный совет соответствующий проект, однако он был возвращен ему «без последствий»³⁸.

По словам корреспондента томского «Сибирского наблюдателя», сибирякам оставалось довольствоваться «отрадными для Сибири слухами» о том, что он когда-то появится в их крае³⁹. Между тем вопрос о необходимости учреждения суда с участием присяжных заседателей поднимался на крестьянских съездах, собраниях местных судебных деятелей, представителей адвокатского сословия⁴⁰. Требование «суда общественной совести» содержалось в наказах депутатам Государственной думы от сибирских губерний⁴¹.

В начале XX в., по выражению профессора Томского университета С.П. Мокринского, в России наметилось «новое отношение» к суду присяжных и со стороны правительственных сфер⁴². И.Г. Щегловитов, возглавлявший Министерство юстиции в 1906–1915 гг., исходил из того, что «политического характера суд присяжных... к счастью, у нас не имел»⁴³. В 1906 г. суд присяжных был введен в Ставропольской и Черноморской губерниях, в Кубанской обл.⁴⁴. Повсеместное распространение этого института стало одним из важных направлений работы III Государственной думы⁴⁵.

В 1907 г. И.Г. Щегловитов вновь поставил вопрос о введении суда присяжных в Западной Сибири. Считая край подготовленным к такому мероприятию, он докладывал императору: «В последнее время условия, не благоприятствовавшие распространению на упомянутые окраины суда с участием общественного элемента, в значительной мере изменились, причем представляется уже возможным надеяться, что в поименованных губерниях... окажется необходимое число лиц для составления списков присяжных заседателей»⁴⁶. Доказывая, что наступил момент для учреждения в регионе «суда общественной совести», министр ссылался на сведения о преобладании русских среди сибиряков, быстром росте населения, расширении сети учебных заведений, высокой степени благосостояния местных жителей⁴⁷. Он предложил губернаторам начать подготовку к осуществлению давно уже намеченной реформы⁴⁸. В каждом уезде Западной

Количество присяжных заседателей в уездах Тобольской и Томской губерний в 1900 и в 1908 гг.*

Уезды	1900 г.	1908 г.
Березовский	63	65
Ишимский	429	1 179
Курганский	1 386	1 757
Сургутский	23	30
Тарский	772	1 038
Тобольский	419	556
Туринский	255	238
Тюкалинский	377	1 539
Тюменский	360	733
Ялуторовский	745	1 150
Итого в Тобольской губернии	4 829	8 285
Барнаульский	389	2 688
Бийский	343	402
Змеиногорский	204	392
Каинский	240	992
Кузнецкий	164	318
Мариинский	333	633
Томский	1 561	3 312
Итого в Томской губернии	3 234	8 737

* Составлено по: РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1053, л. 26; ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 872, л. 144; д. 899, л. 256 об.; Розин Н.Н. О суде присяжных. Томск, 1901. С. 4.

Сибири были созданы особые комиссии для составления списков присяжных заседателей. Выяснилось, что количество последних за 7–8 лет возросло в Тобольской губ. в 1.7 раза, а в Томской – в 2.7 (см. табл.). Это объяснялось бурным экономическим и культурным развитием края, притоком населения, ростом уровня его грамотности, повышением оплаты труда на частных предприятиях и цен на недвижимое имущество. Кроме составления списков, комиссиям предлагалось дать свои заключения относительно целесообразности и вероятности организации в их уезде суда присяжных. Почти все комиссии практически единодушно высказались за его введение. Лишь в Сургуте, признав все достоинства суда присяжных, члены комиссии сочли невозможным установить «суд общественной совести» в уезде из-за «местных условий». Ознакомившись с результатами работы уездных комиссий, тобольское губернское «Особое совещание по привлечению общественного элемента к участию в отправлении правосудия» (в него входили губернатор, председатель и прокурор окружного суда) 25 ноября 1908 г. признало, что за исключением двух северных уездов в губернии нет препятствий для деятельности суда с участием присяжных заседателей. К выводу о «желательности и возможности» учреждения суда присяжных пришли и члены аналогичного Особого совещания в Томской губ.⁴⁹

30 января 1909 г. законопроект о введении института присяжных заседателей в Западной Сибири был представлен И.Г. Щегловитовым председателю Государственной думы, который 10 февраля передал его в думскую судебную комиссию, возглавляемую присяжным поверенным Н.П. Шубинским. В марте и апреле проект обсуждался в Думе и Государственном совете⁵⁰, а 10 мая 1909 г. Николай II утвердил закон об учреждении института присяжных заседателей в нескольких регионах России, в том числе и в западносибирских Тобольской и Томской губерниях⁵¹. Щегловитов назначил открытие суда присяжных в Западной Сибири на 1 ноября 1909 г.⁵²

После неоднократных проволочек создание института присяжных заседателей оказалось для общественности и правительственной администрации Сибири неожиданным. «Из-за недостатка времени» оказалось невозможным выполнить поручение министра юстиции, предписывавшее составление новых списков присяжных заседателей:

«ввиду краткости срока», Тобольское губернское правление приняло решение использовать списки, составленные в 1908 г.⁵³

В день открытия суда присяжных в Западной Сибири председатели Томского и Тобольского окружных судов обменялись приветствиями, в западносибирские судебные учреждения поступали поздравления со всех концов империи. «Введение суда присяжных в жизни нашей окраины имеет огромное историческое значение, – писала томская газета "Сибирские отголоски", – так как только с этого времени правительство метрополии признало нужным привлечь сибирское общество в лице его представителей к самостоятельному отправлению такой важной функции как правосудие и обязанность творить суд»⁵⁴. Значимость учреждения суда присяжных трудно переоценить: эта мера не только позволяла «оздоровить» уголовный процесс, но и имела огромное психологическое значение. Казалось, мечтания сибирской общественности об «уровнении» края с остальными частями империи превращались в действительность, и представители местного общества по праву могли назвать введение института присяжных заседателей осуществлением «пожеланий колонии»⁵⁵.

«Суд общественной совести» начал работать в Западной Сибири в конце 1909 г. и успел до наступления 1910 г. осудить 52 и оправдать 30 подсудимых⁵⁶. Уголовные дела в большинстве случаев стали разбираться судом присяжных (более 70% от общего числа⁵⁷). Судопроизводство заметно ускорилося, приговоры, вынесенные с участием присяжных, считались окончательными и могли быть оспорены только в кассационном порядке. Суд присяжных, не имея над собой инстанции, правомочной снова приступить к рассмотрению дела по существу, не нуждался ни в изложении свидетельских показаний, ни в фиксировании в приговоре тех мотивов и соображений, в силу каких он пришел к тому или иному заключению. Вследствие этого отпадала необходимость во многих канцелярских формальностях. Кроме того, если раньше окружные суды невольно дискредитировались в глазах населения неизбежными случаями отмены их приговоров, то теперь, с учреждением суда присяжных, такие ситуации исключались. Размеры волокиты уменьшались. Если в 1909 г. Томский и Тобольский окружные суды, по официальным данным Министерства юстиции, занимали по числу неоконченных судебных следствий 2–3 места в империи, уступая лишь Воронежскому суду (всего в стране тогда действовало более 100 окружных судов), то в начале второго десятилетия XX в. скорость оборота дел в западносибирских судах уже соответствовала среднестатистическим российским показателям⁵⁸.

Первые результаты деятельности суда присяжных в Западной Сибири оценивались весьма оптимистично⁵⁹. Состав заседателей на первой же сессии Томского окружного суда произвел очень благоприятное впечатление на публику добросовестным отношением к своим судебским обязанностям. «Всемирно известно, – сказал в обращении к присяжным по окончании этого судебного разбирательства председатель суда М.А. Подгоричани-Петрович, – что в судах Европейской России, в которых институт присяжных заседателей действует более 40 лет, присяжные заседатели сплошь и рядом не могут справиться с предлагаемыми им вопросами, отвечают на них невпопад и часто возвращаются в зал заседания с требованием разъяснений. С вами же, первоначальными сибирскими присяжными заседателями, за десять дней настоящей сессии ничего подобного не случилось: вы схватывали на лету все, что было нужно, и выносили ответы, не нуждающиеся в поправках и исправлении. И этим самым вы бесповоротно решили в благоприятном смысле вопрос – созрела ли Сибирь для суда присяжных»⁶⁰.

Процессы с присяжными вызывали широкий общественный резонанс, население проявляло к ним живой интерес, местные общественно-политические газеты освещали их в постоянных рубриках «Судебная хроника», «В судебном мире», «В суде». Сибиряки толпами стекались на заседания суда, если рассматриваемые дела представлялись интересными, но если дела казались скучными, следствие проходило при полном отсутствии публики. Первые судебные разбирательства с участием присяжных заседателей подтвердили, что новый для Сибири суд – действительно «суд общественной совести». Он учитывал этическую сторону преступления, тогда как судьи-чиновники, опи-

раясь на букву закона, как правило, ее игнорировали. Уже на первой выездной сессии Томского окружного суда с участием присяжных заседателей (в Мариинске 16 декабря 1909 г.) был оправдан подсудимый, который, застав собственную жену на месте прелюбодеяния, в состоянии аффекта убил ее любовника. Этот вердикт публика приветствовала восторженными аплодисментами⁶¹. Иногда присяжные выносили предельно мягкие приговоры. В Томской губ. в начале 1911 г. производилось судебное следствие об убийстве крестьянином жены. Заседатели, приняв во внимание низкий нравственный уровень убитой, отнеслись к подсудимому со снисхождением, а председатель суда приговорил его лишь к четырем годам заключения⁶².

Как и в Европейской России, большинство присяжных заседателей Сибири были из крестьян, при этом не всегда хорошо обеспеченных. Выдающийся дореволюционный юрист А.Ф. Кони рассказывал о случаях, когда крестьяне-присяжные были вынуждены, «проев в городе свои последние крохи, наниматься колоть и пилить дрова или просить милостыню»⁶³. В похожие ситуации попадали и сибирские присяжные заседатели. В проходившей с 7 по 16 января 1911 г. сессии Томского окружного суда участвовали почти исключительно крестьяне. Надеясь получить денежную компенсацию, они взяли с собой денег только на дорогу до Томска. Но так как закон не предусматривал никаких денежных пособий участвующим в процессах присяжным, они остались без средств и не могли выехать⁶⁴. В мае 1910 г. в Ишиме местные крестьяне-присяжные остались без денег и не смогли найти себе пристанище. Над ними сжалился исправник: предоставил им помещение при полицейском управлении, а затем изыскал средства на отправку их по домам⁶⁵.

В губерниях Европейской России некоторые земские учреждения, во избежание аналогичных казусов, выдавали нуждающимся присяжным из крестьян небольшую денежную компенсацию на время их пребывания в городе. Такая инициатива не приветствовалась властями, и Сенат запрещал назначать эти пособия, ссылаясь на то, что положение о земствах не предусматривало подобных расходов⁶⁶. В Сибири отсутствовало земское самоуправление, и тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман, узнав о бедственном положении крестьян, привлекаемых к «присяжничеству», предложил употребить две меры: вносить в списки присяжных заседателей только хорошо обеспеченных крестьян и предоставить на обсуждение волостных сходов вопрос о выделении из их средств материальной помощи «сообщинникам», выбранным присяжными заседателями⁶⁷. Большинство волостных сходов Тобольской губ. не вняли губернаторскому призыву и отказали в выдаче заседателям денег из своей кассы. Так, согласно донесению крестьянского начальника Ялutorовского уезда, лишь один Новогаимский сход принял решение выдавать присяжным на время сессий окружного суда по 60 коп. суточных и по 4 руб. «прогонных», прочие же волостные сходы посчитали, что присяжные «вполне зажиточны и в денежном пособии на время сессии окружного суда не нуждаются». Этот аргумент использовали крестьяне и в других уездах⁶⁸. Комиссиям же, составившим списки присяжных, исключить из их числа категорию наиболее бедных крестьян было нетрудно. Таким образом, состав суда присяжных становился менее демократичным.

В целом, качество списков присяжных оставалось довольно низким. В циркулярах тобольского губернатора неоднократно указывалось, что они составлялись с ошибками. Бывало, в них включались лица, состоявшие под следствием, или иностранные подданные, но не включались многие местные жители, удовлетворявшие всем требованиям закона⁶⁹. Причину «несовершенства» списков присяжных прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко усматривал в «новизне дела»⁷⁰. Схожая ситуация наблюдалась и в других регионах России. «В Тверском суде в списках за 1874 г. было найдено 14 человек умерших, из которых один скончался в 1858 г., а другой в 1859 г.», – вспоминал Кони⁷¹.

Как и следовало ожидать, у «суда общественной совести» не сложились хороших отношений с представителями прокурорского надзора. Известны факты, когда прокуратура стремилась оказывать давление на присяжных, используя запрещенные способы. Так, в октябре 1910 г. возмущение общественности вызвала попытка томского то-

варища прокурора ввести заседателей в заблуждение. «Ввиду ясности факта виновности обвиняемых, их оправдать ни в коем случае нельзя, – утверждал он, – т[ак] к[ак] право помилования есть прерогатива только монарха». Заседавшие в коллегии присяжные обратились к председателю суда за разъяснениями своих прав, а получив их, вынесли оправдательный вердикт⁷².

Деятельность института присяжных заседателей в дореволюционной Сибири имела свою специфику. По подсчетам С.П. Мокринского, он выносил больше приговоров об осуждении, нежели в других регионах⁷³. Например, в 1911 г. сибирский суд присяжных осудил 70.3% подсудимых, тогда как в целом по России эта цифра составляла 57%⁷⁴. Во многом это объяснялось тем, что в крае не хватало квалифицированных присяжных поверенных, и в качестве защитников нередко выступали мелкие канцелярские служащие, сопровождавшие суд в его разъездах. Речи этих «казенных» адвокатов бывали крайне короткими и малоубедительными: «прошу снисхождения» или «прошу оправдать»⁷⁵. Вместе с тем современники часто указывали на особую жестокость преступлений в Сибири, что не могло не отражаться на суровости вердиктов присяжных⁷⁶.

Несмотря на определенные проблемы, вставшие перед институтом присяжных заседателей в Сибири, ему удалось зарекомендовать себя с наилучшей стороны. Сибиряки были убеждены, писали местные чиновники, что более «высокого и лучшего суда, наиболее удовлетворяющего население, не существует»⁷⁷. Массового отказа от «присяжничества», характерного для губерний Европейской России, в Сибири не наблюдалось⁷⁸. «Суд общественной совести» символизировал свободу, которую местные жители умели ценить.

После учреждения суда присяжных в Тобольской и Томской губерниях в III Государственной думе был поднят вопрос о его введении и в Восточной Сибири⁷⁹. В мае 1909 г. Министерство юстиции предписало иркутскому губернатору составить списки присяжных заседателей⁸⁰. Весной 1914 г. о необходимости учреждения на востоке Сибири «суда общественной совести» Щегловитову писали иркутский, забайкальский и енисейский губернаторы. В 1914–1915 гг. в крае полным ходом шла подготовка реформы, работали совещания и комиссии. Однако в условиях Первой мировой войны и революции их труды так и остались не завершенными⁸¹.

Примечания

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 42.

² Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 289.

³ Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. 1910. № 2. С. 53.

⁴ См.: Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 110; Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 года. Томск, 1906. С. 13–14; Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 93.

⁵ Цит. по: Отчет о деятельности консультации... С. 13.

⁶ См.: Замечания о применении к Сибири... С. 34, 50, 88.

⁷ См.: *Арефьев Н.* За пределами Европейской России. В Сибири // Северный вестник. 1896. № 1. С. 50; Соображения особого отдела комиссии, Высочайше утвержденной для работы по преобразованию судебной части по предложениям главных местных начальств и должностных, и частных лиц сибирского края о применении высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части к Сибири. [СПб., 1867]. С. 34–37, 52–53.

⁸ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 508–511.

⁹ Джанишев Г.А. Суд над судом присяжных. М., 1896. С. 3.

¹⁰ Щегловитов И.Г. Репрессия суда присяжных в России // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 7. С. 20.

¹¹ ПСЗ-III. Т. 5. № 2770.

¹² См.: Восточное обозрение. 1897. 24 августа; Сибирский вестник. 1898. 3 января; Тобольские губернские ведомости. 1897. 12 июля.

¹³ Томский листок. 1897. 1 июля.

¹⁴ Коллекция печатных записок РГИА. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 год. С. 13.

¹⁵ Восточное обозрение. 1893. 7 февраля.

¹⁶ См. напр.: *Анненский Н.Ф.* Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6. С. 168–169; *Арефьев Н.* Указ. соч. С. 56–57; Вестник Европы. 1896. № 6. С. 777–779; Восточное обозрение. 1893. 7 февраля; 1897. 24 августа; Русские ведомости. 1896. 29 мая; Сибирская газета. 1899. 1 января; *Сибирский В.* Судебная реформа в Сибири и своевременность введения суда присяжных // Сибирский вестник. 1897. 17 декабря; Сибирский вестник. 1898. 3 июля; и др.

¹⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 245, л. 14 об.

¹⁸ Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 129 об.

¹⁹ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 год. [СПб., 1897]. С. 6.

²⁰ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 52.

²¹ См.: *Розин Н.Н.* О суде присяжных. Томск, 1901. С. 3; ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 872, л. 144–145.

²² См. напр.: *Анненский Н.Ф.* Указ. соч. С. 168; *Арефьев Н.* Указ. соч. С. 56–57; Вестник Европы. 1896. № 6. С. 779; Русские ведомости. 1896. 29 мая.

²³ См. напр.: *Арефьев Н.* Указ. соч. С. 56–57; *Сибирский В.* Указ. соч.

²⁴ Восточное обозрение. 1897. 24 августа.

²⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 2. СПб., 1867. С. 96.

²⁶ См. напр.: *Вейсман Р.* Правовые запросы Сибири. С. 38; *Сибирский В.* Указ. соч.

²⁷ *Вейсман Р.* Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 38.

²⁸ *Вейсман Р.* Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 7. С. 43–44.

²⁹ См.: *О.Б.А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1897. № 7. С. 183.

³⁰ *Муравьев Н.В.* Сообщение при рассмотрении вопроса о суде присяжных (произнесено в комиссии 22 ноября 1896 г.) // *Муравьев Н.В.* Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб., 1900. С. 514.

³¹ Проекты находятся: РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 243; д. 244; д. 245; ГУТО ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 502.

³² *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М., 1889. С. 27–28; *Гредингер Ф.И.* Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам Александра II // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 248.

³³ Вестник Европы. 1896. № 7. С. 417–418; РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1053, л. 31.

³⁴ Государственный архив Омской области (далее – ГА ОО), ф. 25, оп. 2, д. 320, л. 18–21.

³⁵ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 155, л. 140–148.

³⁶ См.: *Розин Н.Н.* Указ. соч. С. 3.

³⁷ Библиотека РГИА. По пересмотру законоположений по судебной части // Министерство юстиции. Первый департамент. Часть юрисконсультская. Вып. 1. 31 декабря 1901 года. № 45293. С. 66, 95–100.

³⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1053, л. 24 об.

³⁹ Сибирский наблюдатель. 1902. № 3. С. 159.

⁴⁰ Отчет о деятельности консультации... С. 13–15; *Н.С.* Тобольские крестьяне о реформе суда // Сибирские вопросы. 1908. № 8. С. 36–37.

⁴¹ Сибирские вопросы. 1907. № 4. С. 39.

⁴² *Мокринский С.П.* Суд присяжных // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1. Пг., 1914. С. 158.

⁴³ См.: *Щегловитов И.Г.* Новые попытки изменить постановку присяжного суда в Западной Европе // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 195.

⁴⁴ ПСЗ-III. 26. № 27393.

⁴⁵ Работа третьей Государственной думы по вопросам судебно-правовым. СПб., 1912. С. 11–12.

⁴⁶ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1908 год. СПб., 1909. Сб.

⁴⁷ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1053, л. 31 об.–32 об.

⁴⁸ См.: ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 899, л. 1.

⁴⁹ См.: РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1053, л. 26; ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 899, л. 162, 184, 186, 255–260.

⁵⁰ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1053, л. 1–2, 93.

⁵¹ ПСЗ-III. Т. 29. № 31862.

⁵² ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 902, л. 1.

⁵³ Там же, л. 21.

⁵⁴ Сибирские отголоски. 1910. 10 января. 11 ноября 1909 г. городская дума Тобольска постановила послать императору телеграмму: «Тобольская городская дума, проникнутая чувством благодарности за Высочайше дарованную милость, выразившуюся в открытии суда присяжных в Тобольской губернии, и отеческое попечение Вашего императорского величества о благе своего народа, повергает к стопам Вашего императорского величества, возлюбленного монарха, верноподданнические чувства незыблемой преданности» (ГУТО ГАТ, ф. 8, оп. 1, д. 338, л. 206–206 об.).

⁵⁵ *Вейсман Р.* Правовые запросы Сибири. С. 3.

⁵⁶ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 год. Вып. 25. СПб., 1911. С. 138.

⁵⁷ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 год. Вып. 26. СПб., 1912. С. 138; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 год. Вып. 27. СПб., 1912. С. 138; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 год. Вып. 28. СПб., 1913. С. 138.

⁵⁸ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 год. С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 год. С. 118–119; Сборник статистических сведений Мини-

стерства юстиции за 1911 год. С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 год. С. 118–119.

⁵⁹ См., в частности: *В.А.С.* Суд присяжных и «боевая юстиция» // Сибирские отголоски. 1910. 31 октября; *Севостьянов В.* Заметка о сибирских присяжных заседателях // Сибирские вопросы. 1911. № 4. С. 27–28.

⁶⁰ Цит. по.: *Л.К.* Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 49–50. С. 39.

⁶¹ Сибирские отголоски. 1910. 10 января.

⁶² Сибирская жизнь. 1911. 11 марта.

⁶³ *Кони А.Ф.* О суде присяжных и о суде с сословными представителями // *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 264.

⁶⁴ Томская хроника // Сибирская жизнь. 1911. 18 января.

⁶⁵ *В.А.С.* Указ. соч.; *Севостьянов В.* Указ. соч. С. 28.

⁶⁶ См.: *Афанасьев А.К.* Состав суда присяжных в России // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 203.

⁶⁷ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 902, л. 166–168 об.

⁶⁸ Там же, л. 187, 189, 195, 197–98, 200, 211–213 об., 218 об.

⁶⁹ Там же, л. 182–183.

⁷⁰ Государственный архив Томской области, ф. Ф-11, оп. 3, д. 84, л. 43.

⁷¹ *Кони А.Ф.* Из заметок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. 1914. № 1. С. 8.

⁷² Томская хроника. В судебном мире // Сибирские отголоски. 1910. 26 октября.

⁷³ См.: *Мокринский С.П.* Указ. соч. С. 151.

⁷⁴ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 год. С. 138.

⁷⁵ *И.Т.* На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. № 11–12. С. 25–26.

⁷⁶ См. напр.: *Литовцин А.* Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 27–35.

⁷⁷ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 899, л. 153.

⁷⁸ См. напр.: *Афанасьев А.К.* Указ. соч. С. 203.

⁷⁹ Работа третьей Государственной думы по вопросам судебно-правовым. С. 12.

⁸⁰ Сибирь. 1909. 22 мая.

⁸¹ См.: *Бузмакова О.Г.* Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. С. 23.

© 2008 г. М. ИЛЬМЯРВ *

БЫЛ ЛИ ВЫБОР? БАЛТИЙСКИЕ СТРАНЫ И ТРЕХСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1939 года

Более полувека продолжается дискуссия по поводу трехсторонних переговоров о создании антигитлеровской коалиции, которые велись накануне Второй мировой войны весной и летом 1939 г. между Англией, Францией и Советским Союзом. В связи с открытием архивов бывшего Советского Союза трехсторонние переговоры вновь и вновь становятся объектом изучения в первую очередь в историографии СССР, Франции, Англии и Польши¹. Достаточно много внимания уделялось этим переговорам и в литературе, которая была опубликована в Советской Эстонии. Ряд авторов того периода рассматривал политику Эстонии и Латвии как борьбу против создания единого фронта мира против агрессора². Перед восстановлением независимости стран Балтии эта тема стала одной из наиболее актуальных. Утверждалось, что Англия и Франция все равно уступили бы страны Балтии Советскому Союзу, как это сделала Германия, и что причиной утраты независимости было только превращение Германии и СССР в великие державы. Однако остается неясным, на чем основывается ряд высказанных позиций. Например, утверждалось, что государства Балтии во время трехсторонних переговоров пытались под руководством Литвы заключить договор о военном союзе³.

* **Магнус Ильмярв**, директор Института истории Эстонии (Таллинн).

Статья подготовлена при финансовой поддержке Эстонского научного фонда (гранты 2905, 3817, 5095). Автор благодарит переводчицу Людмилу Дубеву.